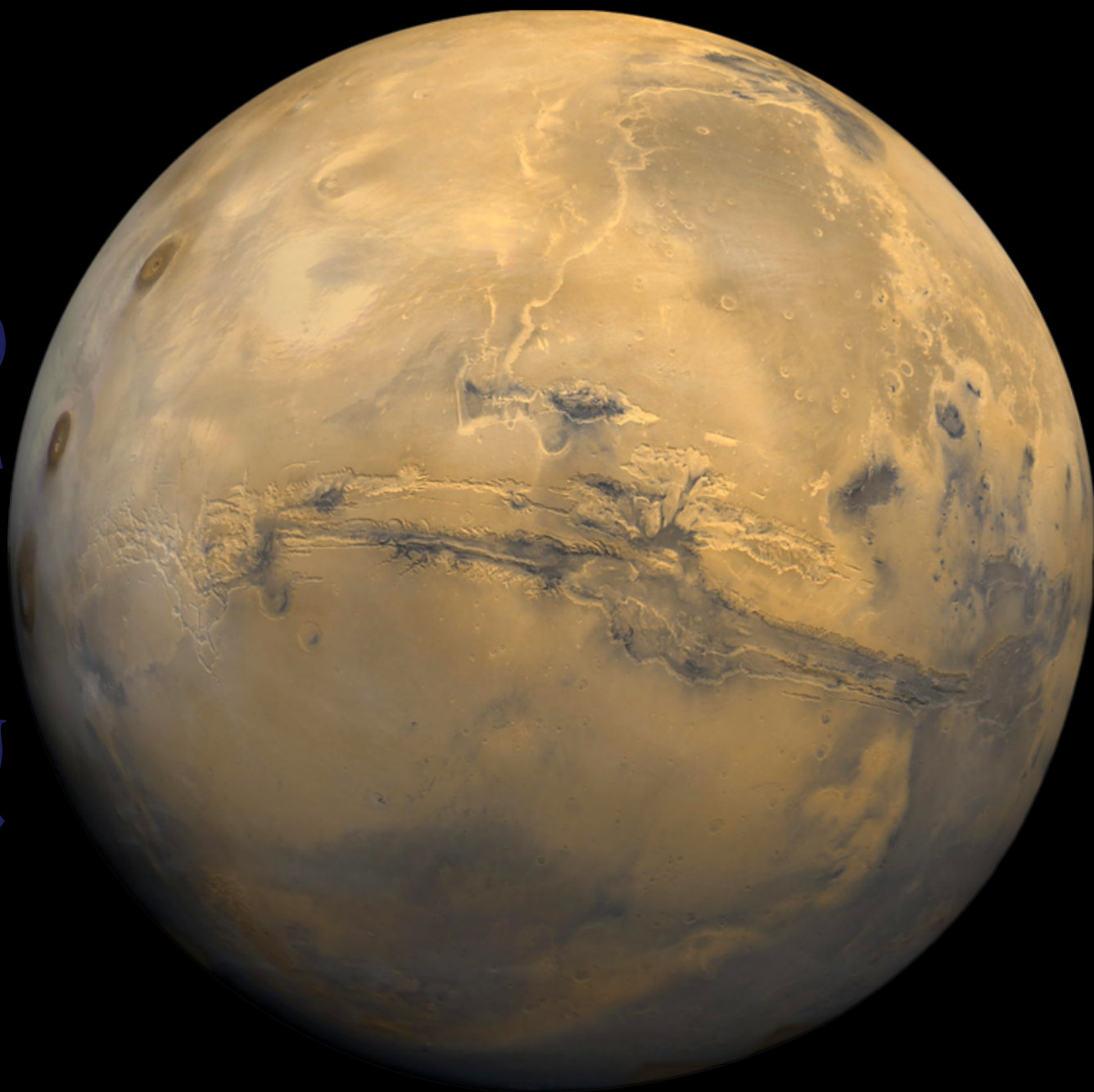

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Поле зрения»

«The Field of Vision»

Ursula Kroeber Le Guin

Editor: Alex.Ross.MA

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Поле зрения»

Le Guin

“The Field of Vision”

1975 © *Ursula Kroeber Le Guin*

1975 © автор Урсула Кроубер Ле Гуин

1997 © переводчик С. Трофимов

19.09.2017 © оформление Alex-Rus

19.09.2017 © редактор Alex.Rus.UA

Le Guin

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © 1975 BY URSULA KROEBER Le Guin

Аннотация

Гениальная Урсула Кроубер Ле Гуин (Ursula Kroeber Le Guin) в своей мистически-фантастической притче «Поле зрения» (в оригинале «The Field of Vision», 1975 год) размышляет о великом даре от древней цивилизации, который был оставлен на Марсе специально для «варваров», — даре восприятия Истины.

Произведение это категорически рекомендуется к прочтению лицам всех возрастов, полов, рас и духовно-ментального уровня развития, то есть всевозможным (анти)гуманоидам, (квази)рептилоидам и конкретно (не)определившимся. А в качестве небольшого дополнения к исправительно-воспитательным процедурам (пренебреженно в добровольно-принудительном порядке) — всем зазомбированным жертвам «Подляпиных» и прочих альтернативно одарённых проповедников «радиоактивного пепла», равно как и вообще злобным мутантам устойчивой великокацапской селекции «homo soveticus», неизлечимым маниакально-великодуховным «гундяефилам» и параноидально-шизопатическим «гейропофобам», а также великораболепным верноподданным «руSSкага міра» и фанатично-кровожадным апологетами «Третьего Рима», Рейха, Вавилона иже с ними...

19.09.2017 © Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus¹

¹ Редакция 19.09.2017 г. фантастического рассказа (мистической притчи) «Поле зрения» (в оригинале «The Field of Vision», автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin, 1975 г., перевод 1997 года С. Трофимова) на основе текстового файла от 05.04.2001 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Поле зрения»

Я даже не знаю, что вам рассказать о «Поле зрения». Это моё выражение гнева. Возмущённое «Письмо к издателю». Презрительное «*фи*».

Шелли вышибли из Оксфорда за то, что он написёл на стене тупиковой аллеи изумительную фразу: *«Вот путь на небеса»*. Мне кажется, эта история — чистая выдумка. Но кому какое дело? Будь моя воля, я обновляла бы такую надпись каждый год.

*«На следующую ночь я увидел вечность,
Похожую на огромное Кольцо
Чистого и бесконечного света...»*

Генри Воган (1621-1695)

Отчёты, регулярно приходившие с «Психеи-XIV», были вполне обычными и рутинными до тех пор, пока перед самым отлётом не открылся канал ретрансляции. И вот тогда старший помощник Роджерс сообщил вдруг о том, что они покидают поверхность и улетают обратно — на 82 часа 18 минут раньше положенного срока. Хьюстон потребовал объяснений. Однако ответы с «Психеи» шли очень странные; 220-секундная пауза между сообщениями ещё больше ухудшала приём. Однажды, видимо, устав от вопросов, Роджерс сказал: *«Мы должны отправиться домой немедленно, иначе это нам вообще не удастся сделать»*. Хьюстон тут же запросил медицинские показания всех членов экипажа и начал расспрашивать о дозировке стимуляторов. Но солнце шумело, и связь была очень плохой. Передача прервалась без предупреждения.

Автоматическая информация поступала с корабля нормально. Старт прошёл успешно, и двадцать шесть дней астронавты провели в наркотическом сне — внутри капсул, которые обеспечивали их физиологические функции. Медицинский контроль и видеотрансляция в программах «Психеи» не предусматривались. Контакты с командой осуществлялись только через радиопередатчик. Когда они не вышли на связь за два дня до посадки, тревога Хьюстона переросла в отчаяние.

Бортовые автоматические устройства, управляемые наземными службами, начали выводить «Психею» на расчётную орбиту. Внезапно связь возобновилась, и из динамиков донёсся голос Хьюза: *«Хьюстон, вы не могли бы дать нам координаты? Моя видеосистема неисправна. Оптические помехи»*. Ему выдали курс, но его ручное управление оказалась настолько неверным, что наземным службам потребовалось

пять часов на корректировку полёта. Хьюза попросили не касаться никаких приборов, и корабль повели с Земли в режиме беспилотного судна. Почти сразу же после этого радиокontakt был снова утерян.

Огромный белый парашют раскрылся над Тихим океаном, и «Психея» начала спускаться с небес. Раскалённый корпус поднял облако пара, погрузился в воду, затем с плеском вынырнул и закачался на волнах в подгузнике из длинных воздушных подушек. Хьюстон сделал прекрасную работу. Корабль приводнился всего в полукилометре от «Калифорнии». Вертолёты и понтоны окружили его со всех сторон. «Психею» закрепили на транспортных платформах и открыли люк, но никто из членов экипажа на трапе не появился.

Тогда спасатели сами поднялись на борт.

Старший помощник Роджерс сидел в пилотском кресле, всё ещё пристёгнутый ремнями и подсоединённый к системе жизнеобеспечения. Он умер десять дней назад, и спасательная команда даже не стала снимать с него скафандр.

Капитан Темский выглядел физически нормальным, но его лицо выражало неопределимое ошеломление. Он не отвечал на вопросы и вообще ни на что не реагировал. Его пришлось выносить из корабля на руках. К счастью, он не оказывал активного сопротивления.

Доктор Хьюз находился в состоянии коллапса. Он был в полном сознании, но вёл себя как слепой.

— Я хочу вас попросить...

— Вы что-нибудь видите?

— Да! Позвольте мне остаться с завязанными глазами.

— Вы видели свет, который я вам показал? Какого он был цвета, доктор Хьюз?

— В нём имелись все цвета. Он белый и слишком яркий.

— Пожалуйста, покажите мне, откуда приходит свет.

— Со всех сторон. Он слишком яркий.

— В комнате темно, доктор Хьюз. Прошу вас, откройте глаза.

— Нет, здесь не темно.

— Хм-м. Неужели случай сверхчувствительности? А теперь нормально? Как вам такое освещение?

— Сделайте ещё темнее.

— Ладно, доктор, достаточно. Опустите рúки и успокойтесь. Мы сейчас наложим вам повязку.

Когда Хьюзу закрыли глаза́, он перестал сопротивляться и, с трудом переводя дыхание, постарался расслабиться. Узкое лицо, обрамлённое тёмной щетиной, блестело от пота.

— Простите меня, — сказал он. — Но мне больно смотреть на яркий свет.

— Когда вы отдохнёте, мы сделаем ещё одну попытку.

— Откройте, пожалуйста, глаза́. В комнате достаточно темно.

— Не понимаю, зачем вы *обманываете* меня.

— Доктор Хьюз, я с трудом различаю ваше лицо. На моём приборе горит лишь подсветка шкалы́. Все остальные лампы отключены. Вы видите меня?

— Нет! Я не могу смотреть на *такой яркий свет!*

Окулист включил настольную лампу и направил её прямо в лицо пациента. Увидев плотно сжатые челюсти и открытые ошеломлённые глаза́ Хьюза, он покачал головой и с сарказмом спросил:

— Ну как? Вас устраивает *такая* темнота?

— Нет! — Смертельно побледнев, Хьюз закрыл глаза́ и прошептал: — У меня кружится голова. Сплошная карусель.

Он застонал, подавился дыханием, и его вырвало на пол.

У Хьюза не было ни жены, ни близких родственников. В центре управления знали, что он дружил с Бернардом Дисилисом² — они вместе проходили предполётную подготовку. Дисилис участвовал в экспедиции, которая обнаружила марсианский *Город*. Он летал на «Психее-ХІІ³», а Хьюз — на «Психее-ХІV⁴». Дисилиса вызвали в ЦУП и провели инструктаж. Он должен был войти в комнату Хьюза и поговорить со старым другом. Беседу, конечно, записали на плёнку.

Д.: Привет, Джерри. Это я, Дисилис.

Х.: Барни?

Д.: Как дела́?

Х.: Прекрасно. А у тебя?

Д.: Всё путём. Не фонтан, конечно, но что поделаешь, верно?

2 В оригинале «Бернардом-Дисилисом» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3 В оригинале вдруг «ХІІ», т. е. с кириллической «Х». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

4 В оригинале вдруг «ХІV», т. е. с кириллической «Х». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ж.: Как Глория?

Д.: У неё всё в порядке.

Ж.: Она уже прошла «Тётю Роди»?

Д. (со смехом): О Иисус, да. Теперь она играет в «Зелёные рукава». По крайней мере, *так* она называет эту компьютерную игру.

Ж.: Зачем они втянули тебя в это дерьмо?

Д.: Просто мне ещё раз захотелось взглянуть на твоё кислое лицо.

Ж.: Хотел бы я иметь такую же свободу.

Д.: А в чём проблемы? Слушай, три разных окулиста — все эти *оптамологаврики* и *гаврилоптики* — заверяли меня, что с твоим зрением полный порядок. Вернее даже⁵ три окулиста и один невролог. Они поют в один голос, понимаешь? И они действительно уверены в своём диагнозе.

Ж.: То есть ты хочешь сказать, что у меня *поехала крыша*?

Д.: Нет. *Немного сдвинулась*, и всё.

Ж.: А как себя чувствует Джо Темский?

Д.: Не знаю. Я его не видел.

Ж.: Они ничего не рассказывали тебе о нём?

Д.: В их окулистских песнях о Джо не было ни строчки. Они только намекнули, что он *замкнулся в себе*.

Ж.: *Замкнулся*? О Иисус! Да он ничем не отличался от каменной статуи!

Д.: Кто? Темский? Ты шутишь?

Ж.: Всё с него и началось.

Д.: *Что* началось?

Ж.: Ну там, на участке. Он перестал нам отвечать.

Д.: А что случилось?

Ж.: Ничего. Просто он перестал отвечать на наши вопросы, говорить и замечать что-либо вокруг. Дуайт думал, что это *кафард* — марсианская лихорадка. Наверное, здесь тоже так считают, верно?

Д.: Да, врачи упоминали о такой возможности. Но что же случилось у вас на участке?

Ж.: Мы нашли «*комнату*».

5 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Д.: Да-да, «комнату»! Я читал об этом в ваших отчётах. И ещё я видел гологнёзда, которые вы привезли с собой. Просто фантастика! Слушай, Джерри, а для чего они предназначены ?

Х.: Не знаю.

Д.: Это части какой-то конструкции?

Х.: Не знаю. Ты слышал, *что* говорят о Городе?

Д.: Да. Они признали его искусственное происхождение. Его кто-то построил... Вернее, *сделал*.

Х.: Откуда они это знают? Как вообще *такое* можно говорить, если неизвестно, *кто* его создал? Разве морская раковина «сделана»? Чёрт! У них даже нет никакого подобия для сравнения. Допустим, ты смотришь на раковину и керамическую пепельницу. Сможешь ли ты сказать, что эта вещь «сделана», а та нет? И если «сделана», то для чего? Например, зачем кому-то понадобилась керамическая раковина? Или старое осиное гнездо? Или обычная жеода⁶?

Д.: Ладно... А что ты скажешь о тех штуках, которые... которые вы называли в отчётах «голубиными гнёздами»? Я видел эти гологнёзда.

Х.: Что бы ты делал с ними, если бы они попали в твои руки?

Д.: Не знаю. Они такие странные, причудливые... Я бы пропустил их пространственные проекции через компьютер и искал осмысленный узор... Честно говоря, я не думал об этом.

Х.: А что? Нормально. Но какой фактор ты принял бы за критерий «*смысла*»?

Д.: Математические соотношения. Любой вид геометрических узоров, повторение отдельных элементов или кодовых символов. Послушай, Джерри, а на что похоже это место?

Х.: Не знаю.

Д.: Но ты же бывал там много раз.

Х.: Да, с тех пор как мы нашли «комнату», я проводил там почти всё своё время.

Д.: И потём с твоими глазами стало твориться что-то неладное? Как это началось?

6 В оригинале сомнительное «обычный геод» — явный глюк переводчика (С. Трофимова): путаются два разных понятия с одним английским написанием, а именно geode, т. е. геод (пространство, напоминающее кисту; лимфатическое пространство) и жеода (минеральный агрегат, образовавшийся в результате заполнения пустот в горных породах). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ж.: Предметы вышли из фокуса — как при повышенном глазном давлении. За пределами «комнаты» моё зрение ухудшалось почти до слепоты. Так продолжалось несколько дней. Какое-то время мне ещё удавалось работать с приборами. Но потом, когда мы отвезли капитана на корабль, я почувствовал себя по-настоящему *больным*. Меня ослепляли постоянные вспышки света. Приходилось щуриться. Кружилась голова. Дуайт и я прокладывали курс — вернее, делали это по очереди, когда позволяло здоровье. Порою Дуайт становился странным: не хотел использовать радио, боялся прикоснуться к бортовому компьютеру...

Д.: А почему? С ним тоже было что-то не так?

Ж.: Определённо. Когда я сообщил ему о своих проблемах с глазами, он сказал, что *тоже испытывает нечто странное, но только в мышцах тела*. Его изводили конвульсии и дрожь. Я посоветовал ему ускорить старт и отправиться домой, пока мы ещё могли управлять кораблём. Он согласился, потому что Джо к тому времени был уже недееспособен. Перед самым взлётом у Дуайта начались припадки — вроде эпилептических. Когда они кончались, он дрожал,⁷ как лист на ветру, но казался вполне нормальным. Дуайт поднял судно, и с ним случился новый приступ. Его корчило и ломало целые сутки, а в перерывах между припадками он галлюцинировал и мешал как только мог. Когда он стал совершенно невыносим, мне пришлось дать ему транквилизаторы и привязать его ремнями к креслу. Засыпая, я даже не знал, был ли он жив в тот момент или уже скончался.

Д.: Нет, он умер в полёте. За десять дней до посадки.

Ж.: Мне об этом не сказали.

Д.: Ты не помог бы ему, Джерри.

Ж.: Не знаю. Его приступы походили на перегрузку системы.словно все предохранители сгорали и сквозь него шёл ток огромного напряжения. Иногда он кричал во время конвульсий — будто лаял... словно хотел сказать всю фразу за одну секунду. А эпилептики не говорят во время припадков, верно?

Д.: Я не в курсе. Эпилепсию лечат на все сто процентов, так что о ней почти ничего не известно. Врачи выявляют тенденцию и ликвидируют причину болезни. Если бы Роджерс имел предрасположенность...

Ж.: То его и близко не подпустили бы к полётам. О Иисус! В общей сложности он провёл в космосе всего лишь шесть месяцев.

Д.: А ты? Шесть дней?

Ж.: Столько же, сколько и ты. Один самостоятельный рейс до Луны и обратно.

Д.: Ладно, оставим эту тему. Так ты считаешь...

Ж.: Что?

7 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Д.: Что это какой-то *вирус*?

Х.: Космическая чума? Марсианская лихорадка? Таинственные древние споры, которые свели с ума астронавтов?

Д.: Да, звучит глупо. Но подумай сам — до вашего появления «комната» была опечатана. Почему ты исключаешь возможность, что вы все...

Х.: Дуайт умер от кровоизлияния в мозг. Его погубило корковое перенапряжение. Он стал *кататоником*. Я вижу ослепительный свет. Что здесь общего?

Д.: Нервная система.

Х.: А почему у каждого из нас *разные симптомы*?

Д.: Наркотики тоже действуют на людей по-разному...

Х.: Неужели ты думаешь, что мы нашли там какой-то марсианский психогенный мухомор? Ты же был на Марсе и прекрасно знаешь, что там нет ничего живого. Всё мертво, как и сама планета. Ни микробов, ни Богом забытых вирусов. *Ничего!*

Д.: Но ведь могло случиться, что...

Х.: Почему ты цепляешься за эту идею?

Д.: Потому что существует «комната», которую вы нашли. Потому что есть Город, обнаруженный нами.

Х.: *Город?* Барни, ты говоришь как какой-то недоделанный журналист из бульварной газеты. Тебе чертовски хорошо известно, что *там нет никакого города!* Есть куча глиняных глыб — вот и всё, о чём мы можем рассуждать. Старые глиняные глыбы на древней планете — тут даже спорить не о чем. Мы не знаем их происхождения. *Мы не можем понять того, что находится за гранью человеческого разума.* Город и «комната» — всё это чушь. Мы просто проводим аналогии и с помощью слов пытаемся нащупать смысл. Но *настоящая истина не поддаётся описанию.* В ней нет никакого смысла. Я это понял. И это единственное, что я теперь понимаю.

Д.: И *что* же ты понимаешь, Джерри?

Х.: То, что вижу, когда открываю глаза!

Д.: А что ты *видишь*?

Х.: То, чего здесь нет, но говорить об этом не имеет смысла...

Д.: Ладно, кончай. Успокойся, Джерри. Всё будет хорошо. Ты поправишься.

Х.: Я вижу (*неразборчиво*) свет и (*неразборчиво*) пытаюсь понять, чего касаюсь. Но я не могу! Я не понимаю этого и (*неразборчиво*) ...

Д.: Хватит, Джерри. Хватит! Я рядом, старина! Успокойся!

Хьюз, пришедший в космическую программу из астрофизики, имел хорошие характеристики — можно даже сказать, *великолепные*. Это беспокоило руководителей проекта, многие из которых *относили академическое образование и интеллигентность к числу причин, вызывавших нарушения субординации и нестабильное поведение человека*. Отмечая его исполнительность и безупречное поведение, они теперь довольно часто вспоминали о том, что он был *«мягкотелым интеллектуалом»*.

К Томскому такое объяснение не подходило. Он считался *образцовым военным* — капитан ВВС, отличный пилот, фанат бейсбола и хороший семьянин. Но в данный момент его поведение казалось ещё более ненормальным, чем у Хьюза.

Он часами сидел на полу и лениво осматривал голые стёны. Проголодавшись, Темский находил принесённую пищу и ел её *руками*. Когда ему требовалось облегчиться, он *отходил в угол и справлял нужду*. Захотев спать, астронавт ложился на пол и засыпал. Всё остальное время он сидел на полу. Темский находился в хорошей физической форме и сохранял непоколебимое спокойствие. Никакие слова не производили на него ни малейшего впечатления, и он совершенно не интересовался тем, что происходило вокруг. Однажды, надеясь вызвать какой-то отклик, к нему привезли жену, и через пять минут она, рыдая, выбежала из комнаты.

Поскольку Темский ни на что не реагировал, а Роджерс по причине смерти вышел из игры, было вполне естественным переключить всё внимание на Хьюза.

Он казался вполне здоровым, не считая случая какой-то странной истерической слепоты, поэтому руководство ожидало от него разумных ответов и *конкретных объяснений* того, что произошло. Однако Хьюз ещё больше запутал ситуацию — он либо не мог, либо не желал говорить о причинах своего недуга.

К работе подключили д-ра Шэпира — известного нью-йоркского психиатра-консультанта. Тот сразу же потребовал личной встречи с обоими астронавтами. ЦУПу не хотелось признавать, что полёт на Марс прошёл неудачно (слово *«трагедия»* даже не упоминалось). Однако, несмотря на все предпринятые меры, в прессу просочились нежелательные слухи. Безответственные журналисты, заявляя о *«праве»* американского народа *«на истинную информацию»*, упорно интересовались, *почему экипаж «Психеи-XIV» содержится в полной изоляции*. Чтобы сохранить позитивное мнение публики, центр управления сообщил о тщательной медицинской проверке, которой якобы подвергались Темский и Хьюз. Эта проверка объяснялась внезапной смертью старшего помощника Роджерса, погибшего на обратном пути от сердечного приступа. В то же время серия заказных статей рассказывала о новых планах *«Малой Америки»* — куполообразном городе на Марсе. Понимая, что вся программа *«Психеи»* находится под угрозой,

руководство центра приказало доктору Шэпиру не спеша и осмотрительно продиагностировать астронавтов и по возможности восстановить их психическое здоровье.

Шэпир провёл с Хьюзом получасовую беседу о питании в госпитале «Кэл Тех» и о последних отчётах исследовательской экспедиции на альфу Центавра. Разговор проходил в спокойной и дружеской обстановке. Пользуясь этим, доктор Шэпир спросил:

— Что вы видите, открывая глаза́?

Хьюз встал с кушетки, оделся и молча уселся в кресло. Светонепроницаемые стёкла, закрывавшие его глаза́, придавали ему немного надменный и загадочный вид, ради которого многие люди и носят тёмные очки.

— Меня ещё никто не спрашивал об этом, — ответил он.

— Даже окулисты?

— Да. Я думал, что Крэй задаст мне такой вопрос. Но его интересовали другие проблемы. Не знаю, что он там такого наплёл, но все решили, что я страдаю психическим недугом.

— А что вы ему рассказали?

— Мой опыт трудно описать. То, что я вижу, невозможно выразить словами. Предметы выходят из фокуса, становятся прозрачными и исчезают, а на смену им приходит *свет* — ослепительно яркий и интенсивный. Это как образы на засвеченной плёнке — всё исчезает в белизне. Но вместе со светом приходит *вращение*. Места́ и взаимоотношения начинают *изменяться*. Перспективы чередуются, и на их фоне происходят постоянные преобразования предметов. От этого кружится голова. Я думаю, мои глаза́ посылают в мозг несоразмерные сигналы. Что-то похожее на ощущения при изменениях во внутреннем ухе, только в глазах. Разве это не сбило бы вашу пространственную ориентацию?

— Нечто вроде синдрома Меньера⁸. Да, верно. Подобные ощущения обычно возникают при спуске на лифте или на лестницах...

— Словно я смотрю с огромной высоты или поднимаюсь на огромную гору...

— Вы, случайно, не боитесь высоты?

— Нет, чёрт возьми. Она для меня ничего не значит. В космосе нет ни верха, ни низа. Но мне жаль, что я не дал вам необходимого представления. Наверное, это и невозможно описать. Я пытаюсь увидеть большее, пытаюсь *научиться* смотреть... Но пока у меня ничего не получается.

Наступила пауза.

— Это требует *отваги*, — наконец произнёс психиатр.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил астронавт.

— Ну... Когда чувство восприятия, пожалуй, самое важное для мыслящего разума — ваше зрение, сообщает о несуществующих непонятных явлениях и вступает в ужасающее противоречие с другими чувствами, такими, как осязание, слух и чувство равновесия... Когда это случается каждый раз, как только вы открываете глаза, то очень трудно смириться с подобным явлением и уж тем более подвергнуть его осмысленному изучению.

— Вот поэтому я и держу глаза закрытыми, — печально ответил Хьюз. — Как та мудрая мартышка с лозунгом «*Ничего не вижу*».

— А когда вы открываете глаза и смотрите на какой-то знакомый и вполне определённый предмет — например, на свою руку, *что* вы видите?

— Расплывчатое изображение, которое вызывает лёгкое головокружение.

— Это похоже на утверждение Уильяма Джемса, — удовлетворённо заметил Шэпир. — Помните, *что* он говорил о том, как ребёнок воспринимает мир?

8 Меньера болезнь, Меньера синдром — заболевание, проявляющееся приступами головокружения в сочетании с шумом в одном ухе, снижением слуха, тошнотой, рвотой, нарушением равновесия. Болезнь описана в 1861 г. французским врачом Проспером Меньером (Prosper Ménière, 1799-1862). Начинается она чаще всего в возрасте 25-40 лет. Приступы могут продолжаться несколько часов, дней; они связаны с нарушением тонуса сосудов, снабжающих кровью периферические отделы преддверно-улиткового нерва, осуществляющего слуховую и вестибулярную функции. По иным данным, непосредственная причина заболевания — повышение давления жидкости (эндолимфы) во внутреннем ухе. Головокружение обычно имеет т. н. системный характер, т. е. ощущение вращения окружающих предметов или самого больного происходит в определённом направлении. После того как приступ проходит, часто выявляется одностороннее снижение слуха; по мере повторения приступов снижение слуха прогрессирует и может наступить глухота. Сходные с болезнью т. н. меньероподобные состояния могут наблюдаться и при некоторых органических заболеваниях мозга (арахноидит, опухоль мосто-мозжечкового угла, etc). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

У него был приятный голос с мягким глянцевым лоском. Казалось, что этот человек просто не умеет ворчать или кричать. Он медленно *кивнул*, размышляя о том, что сказал ему Хьюз.

— Так вы говорите, что осваиваете новый способ зрения? То есть там есть что осваивать. Опишите мне свои переживания.

Хьюз смутился, но потом заговорил с заметно возросшим доверием:

— Да, *осваиваю*. А что мне ещё делать? Хотя я вряд ли освою этот новый способ или вернусь к тому типу зрения, которым пользуются другие люди. Тем не менее,⁹ я вижу — пусть *не понимаю, что именно, но вижу*. Эта информация пока бессмысленна для меня. Там нет очертаний и нет разграничений — даже между ближним и дальним. Однако я что-то вижу: не в виде форм и постоянных объектов, а как череду метаморфоз и необъяснимых превращений. Не знаю, имеет ли это вообще какой-то смысл.

— Думаю, имеет, — ответил Шэпир. — На данной стадии вам трудно описать свой опыт словами. Тем более что это переживание является для вас новым, уникальным и подавляющим...

— И восстающим против здравого рассудка. Вот оно какое. — В голосе Хьюза чувствовалась признательность. — Если бы я только мог *показать* вам этот причудливый свет, — добавил он с тоской.

Двух астронавтов держали на десятом этаже военного госпиталя в Мэриленде. Им не позволяли выходить из комнат, и любой, кто навещал их, проводил затем десять дней под строгим карантином, прежде чем его вновь выпускали во внешний мир — теория о марсианской чуме по-прежнему возглавляла список всевозможных догадок. По настоянию Шэпира больному Хьюзу разрешили подняться в сад, расположенный на крыше госпиталя (хотя это предполагало полную стерилизацию лифта и его остановку на три дня).

Врачи потребовали, чтобы Хьюз надел хирургическую маску, а Шэпир, в свою очередь, уговорил его снять защитные очки. Астронавт послушно направился к лифту — с марлевой повязкой на лице и ничем не прикрытыми, но плотно сжатыми веками.

Выйдя из тускло освещённого лифта на крышу под горячий поток лучей июльского солнца, Шэпир пристально вгляделся в лицо пациента. Но тот не зажмурился сильнее. Яркий свет дня не вызывал у него никакой реакции. Почувствовав на коже приятное тепло, Хьюз приподнял голову и сделал несколько жадных вдохов через плотную хирургическую повязку.

— После Марса меня ещё ни разу не выпускали на свежий воздух, — сказал астронавт.

Он не лгал. Перебираясь из госпиталя в госпиталь, Хьюз надевал скафандр, а в больничных палатах дышал баллонным или кондиционированным воздухом.

9 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Скажите, вы можете ориентироваться в пространстве? — спросил его Шэпир.

— Нет. Ни малейшего чувства направления. За дверью комнаты я превращаюсь в слепого. Всё время *боюсь упасть*.

На пути к лифту Хьюз отказался от помощи и¹⁰ прошёл на ощупь два длинных пустых коридора. Теперь же, несмотря на шутку о падении, он начал исследовать сад, разбитый на крыше. Шэпир задумчиво наблюдал за ним. Хьюз вёл себя как активный человек, освобождённый из длительного заточения. Первое время он спотыкался о низкие ограды клумб. Но врождённая чувствительность и пространственное воображение помогли ему справиться с этой проблемой. И хотя он двигался с осторожной неуклюжестью слепого, в его движениях чувствовалась удивительная грация.

— Почему бы вам не открыть глаза? — мягко спросил его Шэпир.

Хьюз остановился и повернулся к нему.

— Да, наверное, вы правы, — ответил он и поднял руку в поисках опоры.

Шэпир подошёл и положил ладонь Хьюза на своё плечо. Астронавт открыл глаза и крепче вцепился в плечо врача. Потом вдруг вытянул обе руки вперёд, сделал шаг и, дрожа, откинул голову назад. С уст сорвался крик. Его глаза широко открылись и уставились в пустое небо.

— О мой Бог! — прошептал он и упал на цветочную клумбу, словно сбитый с ног огромной кувалдой.

18 июля. Запись встречи психиатра Шэпира и Джерайнта¹¹ Хьюза.

Ш.: Здравствуйте. Это я, *Сидней*... Мне хотелось бы поговорить с вами немного, если вы не против. *Та* идея оказалась не очень хорошей. Я имею в виду прогулку на крыше. Прошу простить меня. Я даже подумать не мог, что дело кончится вашим *обмороком*. Конечно, мне не стоило просить вас об этом... Может быть, вы хотите, чтобы я ушёл?

Х.: Нет. Всё нормально.

10 В оригинале «помощи-и» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

11 В оригинале всюду по тексту великомогучая транскрипция имени «Джерайнта» (нигде не исправляю и далее в отдельных сносках не указываю), хотя практически наверняка (англоязычный оригинал на данный момент у меня отсутствует) подразумевается имя Geraint, т. е. Герайнт — явно в честь сэра Герайнта (Sir Geraint) — одного из рыцарей Круглого стола (Round Table), супруга Инид (Enid), который по навету подозревал её в измене, но позднее убедился в своём заблуждении. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ш.: Ну и хорошо... Я чертовски волновался. Вышел сегодня на прогулку и забрел чѐрт знает куда. Наверное, протопал не меньше двух миль¹² от офиса, а на обратном пути сделал крюк по соседней улице. Что бы там ни говорили, Нью-Йорк — красивый город, если гуляешь по нему пешком. И если знаешь, как потѐм найти дорогу назад. Послушайте, я тут наткнулся на странную историю с Джо Темским. Вернее, на *непонятный факт*. Вам известно, что по результатам медицинского обследования он признан «*функционально глухим*»?

Х.: Глухим?

Ш.: Да, глухим. Это натолкнуло меня на интересную мысль. Я отправился к Джо и попытался наладить с ним какой-нибудь контакт: тряс за плечи, заглядывал в глаза и называл его по имени. Он не обращал на меня никакого внимания. В своей практике я встречал нескольких пациентов, которые говорили, что *не могут расслышать мой голос*. Вы думаете, это *метафора*? А что, если *нет*? Такое иногда случается с детьми. В результате они отстают в развитии и теряют тридцать, шестьдесят, а то и восемьдесят процентов слуха. Одним словом, я предположил, что Джо *действительно* не слышит мой голос. Так же, как вы не видите меня.

Х. (после сорокасекундной паузы): Вы хотите сказать, что он *слушает другие звуки*? Что его *слух постоянно занят*?

Ш.: Возможно.

Х. (после двадцатисекундной паузы): Но тогда надо заткнуть ему уши.

Ш.: Я тоже подумал об этом. Не такая уж и сложная процедура, верно? Мне захотелось посмотреть, а что получится, если вставить ему в уши затычки? И я вставил их.

Х.: Но с затычками он, наверное, не услышал вашего гoлoса.

Ш.: Да, однако он¹³ перестал вести себя как безумный. Если бы вы непрерывно наблюдали за метаморфозами, которые демонстрирует вам свет, мне вряд ли удалось бы привлечь к себе ваше внимание, верно? Возможно, то же самое происходило и с Джо. Я думаю, шум в его ушах заглушал все остальные звуки.

Х. (после двадцатисекундной паузы): Мне кажется, он слышит *нечто большее*,¹⁴ чем шум.

Ш.: Я хотел поговорить с вами о том, *что* случилось на крыше. Но, быть может, вы против... Нет, уверяю вас, это вполне естественно.

Х.: Вам хочется узнать, *что* я там увидел?

Ш.: Да, конечно. Но поступайте так, как вам нравится.

12 В метрической системе 2 мили — это более 3,2 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

13 В оригинале без «он». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

14 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ж.: Если бы я мог поступать, как мне нравится, мы бы с вами тут не сидели. Сколько книг я мог бы прочитать! Сколько прекрасных женщин увидеть! Вам чертовски хорошо известно, что мне здесь не с кем общаться. И, конечно же, вы не сомневаетесь, что со временем я расскажу вам всё, что вас интересует.

Ш.: О, чёрт! Вы меня поражаете, Джерайнт! (Десятисекундная пауза.)

Ж.: Да, что-то я сорвался. Простите, Сидней. Мне не следовало этого говорить. Я не прав. Вы очень терпеливы со мною.

Ш.: Там, на крыше, вам привиделось нечто такое, что смутило вас. Вот почему мне захотелось узнать подробности. Однако, если вы считаете, что справитесь с проблемой в одиночку, дерзайте. Моё любопытство — не порок, но и не причина, по которой вы должны идти против собственной воли. Давайте лучше забудем об этом разговоре. А чтобы сгладить неловкость, я прочитаю вам статью из журнала «Наука». Мне её дал полковник Вуд. Он сказал, что вы когда-то интересовались такими материалами. В статье говорится о странном предмете, который обнаружили внутри аргентинского метеорита. Авторы утверждают, что, если прочесть метеоритный пояс, можно обнаружить останки межзвёздного флота, который около шестисот миллионов лет назад попал в беду в нашей Солнечной системе. А астронавтам якобы пришлось обосноваться на Марсе. Какая богатая фантазия, верно?

Ж.: Не знаю. Но прошу вас, читайте.

Темский спал крепко, и поэтому Шэпир безбоязненно вставлял ему в уши обычные восковые затычки. Психиатр взял их из собственной аптечки, поскольку изредка пользовался ими при бессоннице. Через пару часов астронавт проснулся. Поначалу его поведение ничем не отличалось от прежнего. Он сел и зевнул, потянулся, почесался, затем лениво осмотрелся вокруг, словно искал что-нибудь перекусить. Его безмятежность абсолютно не походила на какое-либо психотическое состояние, о котором знал бы доктор Шэпир. Но в этой безмятежности не было и ничего человеческого. Темский напоминал здоровое спокойное животное — не шимпанзе, а какое-то более мягкое и созерцательное. Возможно, орангутанга.

И вдруг этот «орангутанг» почувствовал какое-то неудобство.

Темский нервно посмотрел направо и налево. Вернее, не смотрел, а двигал головой, пытаясь отыскать исчезнувшие звуки. Или потерянный аккорд, подумал психиатр. Темский смущался всё больше и больше. Он встал, замотал головой, но это не помогло. Астронавт испуганно обернулся и впервые за семнадцать дней повседневных обходов и встреч увидел доктора Шэпира.

Его красивое лицо поморщилось от беспокойства, и он изумлённо прошептал:

— Где я? Куда я попал?

Не понимая причины безмолвия, он потянулся руками к ушам, потóм нащупал и вытащил затычки. Это вновь превратило его в орангутанга.

— Ах! — воскликнул он и затих.

Его глазá по-прежнему смотрели на Шэпира, но он не видел дóктора. Лицо расслабилось и стало безмятежным.

Последующие попытки оказались более успешными. Поначалу Темский удивлялся своей искусственно созданной глухоте, но затем, освоившись с ней, охотно шёл на контакт и общался с доктором Шэпиром с помощью жестов и записок. После пятой встречи он согласился принять лекарства, которые на пять часов снижали чувствительность слуховых нервов. Это позволило продлить периоды его осознанного поведения.

Во время второго такого периода он попросил разрешения повидаться с Хьюзом. А надо сказать, что Шэпира ужé проинструктировали по этому вопросу. Ожидалось, что разговор двух астронавтов наедине даст новую информацию, которая поможет служебному расследованию. Учитывая искусственную глухоту Томского, Хьюзу пришлось напечатать свою половину диалога на пишущей машинке. К счастью, он неплохо знал клавиатуру и набирал текст вслепую. Несмотря на то,¹⁵ что часть материала не была обнаружена в корзине для бумаг, записанная речь Темского вполне приемлемо поясняла суть разговора. Астронавты в основном обсуждали обратный полёт, а также болезнь старшего помощника Роджерса, о которой Темский ничего не помнил. Хьюз описáл её теми же словами, что и раньше, не внеся никаких дополнений. Они не упоминали о «комнате» (участке Д) и старательно умалчивали о своих недугах, но в конце беседы всё же затронули и эту тему.

Т.: Значит, моя мелодия звучит *не изнутри*?

Х.: Если бы она существовала только в твоём уме, затычки лишь улучшили бы её звучание.

Т.: Но всё это *реально*.

Х.: *Чертовски* реально!

Т.: Слушай, когда мне в первый раз вставили затычки, я подумал, что у меня *поехала крыша*. Просыпаюсь, а вокруг ни звука. Мне потребовалось несколько минут, чтобы вспомнить, кто я такой. И клянусь, мне даже *не хотелось вспоминать*. Но потóм Шэпир рассказал, как долго это происходит, и я понял, что нахожусь на Земле. Представляешь? Я думал, что всё вокруг меня — *какая-то жуткая галлюцинация*. Во мне как бы существовали два человека! Но, несмотря на страх и удивление, я начал *совмещать* их друг с дрúгом. Мне захотелось узнать, что получится, если между ними больше не будет этого *ужасного раскола*...

Х.: *Изменение*.

15 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Т.: Да, это изменило меня. Это действительно изменило меня. Потому что я слышу *реальные* звуки. И когда ты открываешь глаза, перед тобой возникают необычные, но вполне определённые картины. Мы оба воспринимаем что-то реально существующее, а нас искусственно ослепляют и оглушают, чтобы втиснуть в людские ограниченные рамки. Разве не так?

(Напечатанный Хьюзом ответ не найден в мусорной корзине.)

Х.:

Т.: Нет, нормально. Однако мне потребовалось много времени, чтобы освоиться с этим, — по крайней мере, я теперь знаю, как долго нас держат в госпитале. Сначала я не мог уловить никакого смысла. О Иисус! Эта какофония перепугала меня до потери пульса. Ты и Дуайт что-то говорили мне, и вокруг ваших голосов появлялся целый хор, словно радуга вокруг призмы. Ты же знаешь, если свет слишком яркий, то призму даже не видно. Это как в твоём случае, верно? А у меня всё тонуло в музыке — до тех пор, пока не осталась только она. Но... Я же говорил тебе, что не знал, как слушать эту мелодию. Сначала мне показалось, что сломался мой радиопередатчик в скафандре. О Иисус! (Смеётся.) Я не мог уследить за мотивами, гармониками и модуляциями. Они всё время менялись. Но человек может научиться всему. Чем больше слушаешь, тем больше слышишь. Эх, жаль, что у нас всё по-разному — у тебя зрение, у меня слух... Так ты говоришь, что мы покинули Марс два месяца назад? Два месяца я жил среди музыки, понимаешь? Но это неважно. *Всё в нашем мире неважно*, правда, Джерри?

Х.:

Т.: Хотел бы я увидеть всё то, что видишь ты. Представляю, насколько это *прекрасно*. В принципе я рад, что они каждый день вытаскивают меня из музыки. Наверное, так оно и должно было случиться. Мелодия затопляет меня и поглощает целиком. Её *слишком много*. *Наш разум не может вместить такого величия*. Мы *недостаточно сильны* — во всяком случае, сначала. Мы *не способны воспринимать эту истину целиком*. И всё же, понимая собственную слабость и ничтожество, я хотел бы описать хотя бы частичку её безмерного бытия.

Х.:

Т.: Нет, не буду. Это не просто музыка! Мелодия — лишь способ описания, но мне кажется, я мог бы выразить какие-то аспекты и словами. И, возможно, получилось бы даже лучше и яснее. А главное, было бы понятно, что происходит.

Х.:

Т.: Боишься? Почему?

Астронавты по-прежнему находились в карантине, но Бернард Дисилис и его жена звонили Хьюзу почти через день. 27 июля между Хьюзом и Дисилисом состоялся важный разговор о так называемой *комнате* или, точнее, *участке Д*, который изучала «Психея-XIV».

— Если меня не зачислят в следующую экспедицию и я не увижу этого чёртова места, — сказал Дисилис, — то не будет мне покоя до самой смерти.

— *Увидеть — значит поверить*, — заметил Хьюз.

От его бывшего возбуждения не осталось и следа. Он всё больше склонялся к краткости и озлобленной печали.

— Послушай, Джерри. В тех *голубиных гнёздах* что-нибудь лежало?

— Нет.

— Хм-м. Довольно точный ответ. Я думал, что, заговорив об участке Д, ты снова запоёшь старую песню о его *непостижимости для человеческого разума*. Ты изменил своё мнение?

— Нет. Просто кое-что начал понимать.

— И что же именно?

— Как *видеть* то, на что я смотрю.

Немного помолчав, Дисилис осторожно спросил:

— А что ты теперь видишь?

— *Участок Д*. Фактически только он и стоит у меня перед глазами.

— То есть ты видишь *только его*? И когда твои глаза открыты...

— Нет.

Хьюз отвечал неохотно — почти сквозь зубы.

— Всё намного *сложнее*. На самом деле я не вижу участка Д. *Я вижу наш повседневный мир с позиции участка Д... Новая перспектива*. Но на эту тему тебе лучше поговорить с Джо Томским. Послушай, а ты пропускал гологнёзда через алгосистему¹⁶?

— Мне не удалось составить программу.

— Готов поспорить, что тебе это *удалось*, — усмехнувшись, сказал Хьюз. — Направь материал сюда. Я *посмотрю его* — с завязанными глазами.

Темский радостно вбежал в комнату Хьюза.

— Джерри! — воскликнул он. — До меня *дошло*!

16 Очевидно, придуманный автором термин: производное от греческого слова *áλγος* — боль, т. е. что-то вроде «система боли» или «система болевых ощущений, рецепторов, etc». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Что дошло?

— Я соединил два своих переживания. И я слышу тебя, понимаешь? Не читаю по губам, а слышу! Повернись и скажи мне что-нибудь. Ну давай, не ломайся!

— Трупным ядом можно отравиться.

— Трупным ядом можно отравиться! Ну,¹⁷ как? Я слышу тебя и слышу музыку. Я объединил ощущения.

Голубоглазый и белокурый Темский всегда считался красавцем. Однако теперь он был величественно прекрасным. Хьюз не видел его (в отличие от тех, кто с помощью камеры, спрятанной в решётке вентилятора, следил за их встречей), но слышал незнакомые и пугающие вибрации в голосе друга.

— Сними очки, Джерри, — мягко сказал этот голос.

Хьюз покачал головой.

— Ты не можешь сидеть вечно в своей темноте. Выходи из неё, Джерри. Ты не должен выбирать слепоту.

— А почему бы и нет?

— Только не после того, как ты увидел свет.

— О каком свете ты говоришь?

— Я имею в виду не только свет, но и истину, и слово, — ответил Темский с той же мягкой и непоколебимой уверенностью. — Истину, которую мы научились воспринимать и познавать.

От его голоса веяло теплом полуденного солнца.

— Уходи, — сказал Хьюз. — Уходи отсюда, Темский!

С тех пор как «Психея-XIV» приводнилась в океан, прошло двенадцать недель. Тщательная проверка медицинского персонала госпиталя не выявила никаких тревожных симптомов, кроме повальной скуки. Состояние Хьюза не ухудшилось, а Темский полностью оправился. Всем стало ясно, что команда «Психеи-XIV» пострадала не от инфекции. Дискуссии о вирусах, спорах, бактериях и прочих физических переносчиках постепенно угасли и забылись. Несмотря на оговорки большинства экспертов, в том числе и доктора Шэпира, верх взяла гипотеза о том, что во время длительного и интенсивного изучения «комнаты» какие-то её элементы вызвали срыв мозговой активности троих исследователей, аналогичный нарушениям, что происходят при использовании стробоскопического света определённой частоты. Никто не знал, какие именно элементы повинны в этом. На всякий случай голографические снимки «комнаты» разослали во все ведущие

17 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

институты страны. Руководство НАСА приняло решение о старте «Психеи-XV», которой предстояло продолжить изучение участка Д. Помимо повышенных мер безопасности планировалось вести непрерывную съёмку каждого из астронавтов.

Между тем подозрительных элементов на участке Д было предостаточно. Их взаимосвязь казалась настолько запутанной и сложной, что лучшие научные умы лишь разводили в бессилии руками. Некоторые марсианологи считали, что так называемый *реквизит* «комнаты» являлся результатом какого-то *геологического катаклизма*. По их мнению, «комната» предоставляла тот же вид информации, который так прекрасно и выразительно дают человеку пласты разрушенных скал, древесные кольца и линии спектра. Другие утверждали, что *Город построили разумные существа*. Настаивая на изучении космического наследия, эти люди мечтали выяснить природу и способ мышления древних пришельцев из другой галактики, прилетевших на Марс шестьсот миллионов лет назад (датировка участка проводилась по методу радиоактивного распада).

Однако полученные результаты вызывали лишь недоумение. Доктор Ньюмен из Смитсоновского института выразил это следующим образом: *«Археологи привыкли извлекать основную часть информации из очень простых предметов — черепков, обломков кремня, остатков стен или могилы. Но что, если всё доставшееся нам от древней цивилизации представляет собой одну очень сложную и своеобразную вещь? Причём сложную не в технологическом смысле. Допустим, что кто-то из пришельцев нашёл бы копию шекспировского “Гамлета”. Более того, представим, что археологи, обнаружившие эту копию, не являлись бы гуманоидами — не имели книг, театров, письменности и вообще не могли бы думать. Что они сделали бы с маленьким физическим артефактом, таким сложным и многозначным на вид, с его удивительными повторениями отдельных элементов и неповторением других, с очаровательными полукруглыми линиями и краткими прямыми штрихами? Какова вероятность того, что им удалось бы прочитать земного “Гамлета”?»*

Те, кто приняли *«теорию Гамлета»*, тут же приступили к первичной обработке данных. Тысячи компьютеров анализировали различные элементы участка Д. Учитывалось всё: пространственное расположение, размеры, глубина, конфигурация «голубиных гнёзд», пропорции первой, второй и третьей «нижних комнат», аномальные акустические свойства «комнаты» как комплексного целого, и так далее, и так далее, и так далее.

Следует отметить, что ни одна из этих программ так и не дала очевидного доказательства осознанной планировки «комнаты». Учёные не обнаружили в расстановке её элементов никаких рациональных соотношений. Одно из исследований, проведённое Дисилисом и Хьюзом на новом «Алгеброиде-V», продемонстрировало интересные результаты. Однако они, к сожалению, тоже не могли претендовать на рациональность. Вместо этого распечатки принтера приводили начальников НАСА в ярость и вызывали у

учёных гомерический смех. В конце концов исследование было прекращено, поскольку руководство заподозрило обман и очевидную насмешку над высокими идеалами науки. Вот один из примеров таких распечаток:

ЗАПУСК.

ГОЛУБИНЫЕ ГНЁЗДА, УЧАСТОК Д, СЕКТОР ДЕВЯТЬ, МАРС.

ДИСИЛИС И ХЬЮЗ.

БОГ.

БОЖЕСТВЕННЫЙ БОГ БОГОПОДОБНЫЙ БОГ ТЫ ЕСТЬ БОГ.

НОВАЯ УСТАНОВКА.

УСТАНОВКА ПОЛНОСТЬЮ ПОНЯТНОГО АБСУРДА.

ВОСПРИЯТИЕ АБСУРДА, НЕ ИМЕЮЩЕГО СМЫСЛА, —

ЭТО РЕАЛЬНЫЙ БОГОПОДОБНЫЙ БОГ.

ВОСПРИЯТИЕ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЯЕТ НАПРАВЛЕНИЕМ.

ПРОДОЛЖАЕТ ИНФОРМИРОВАТЬ О НЕИМЕЮЩЕМ ИНФОРМАЦИИ.

БОГ БОГ БОГ БОГ БОГ БОГ.

КОНЕЦ ПРОГРАММЫ.

Когда Шэпир вошёл в комнату, Хьюз лежал на кровати. В последнее время он почти не вставал. Тёмные очки подчёркивали нездоровую белизну его лица.

— Я думаю, вы *переусердствовали* с вашей программой на «Алгеброиде». — Не дождавшись ответа, Шэпир опустился в широкое кресло. — Меня уволили и отправляют обратно в Нью-Йорк.

Хьюз молчал.

— Темского выписали из госпиталя, и он уехал во Флориду с женой. Я пытался узнать, *что* намереваются делать с вами, но мне это не удалось. Я упросил их... — Он помолчал и со вздохом закончил: — Я упросил их оставить меня здесь ещё на две недели. Но, может быть, вы хотите, чтобы я ушёл?

— Нет, всё в порядке, — бесстрастно ответил Хьюз.

— Я хотел бы продолжить наше знакомство, Джерайнт. Конечно, мы не можем писать друг другу писем, но есть телефон. Кроме того, есть автоответчик. Покидая дом, я всегда вставляю туда чистую кассету. Если вам захочется поговорить, пожалуйста, позвоните мне. И если меня не¹⁸ окажется дома, говорите на автоответчик — это не то же самое, но всё-таки...

— Сидней, вы очень добрый человек, — тихо произнёс астронавт. — Я хочу...

Помолчав минуту, Хьюз сел, затем поднял руки и снял очки. Они так пристали к коже, что отлепились не сразу. Опустив руки, он взглянул на Шэпира. От долгого пребывания в темноте зрачки расширились. Глаза казались такими же чёрными, как защитные очки.

— Я вас вижу, доктор, — сказал он. — Да, мне всё-таки удалось научиться этому. Но я по-прежнему ношу очки и скрываю свои способности. А знаете,¹⁹ почему? Вам хочется знать, что я вижу, когда смотрю на вас?

— Да, — тихо ответил Шэпир.

— Жалкое пятно. Неясную тень. Незавершённость, рудимент, помеху для света! Что-то абсолютно *неважное*! И нет ничего хорошего в том, что вы добрый человек! Понимаете, доктор?

— А когда вы смотрите на себя?

— То же самое. Абсолютно то же самое. *Никчемную банальность*. Пятно в поле зрения.

— В *поле зрения*? В чём поле зрения?

— А вы как думаете? — устало и немного язвительно спросил Хьюз. — Что для вас является *истинным видением*? Наверное, *реальность*. Там, на Марсе, меня запрограммировали воспринимать реальность и *видеть истину*. Я *видел Бога*. — Закрыв глаза, он уткнулся лицом в ладони и тихо прошептал: — Всю жизнь я считал себя рассудительным человеком. И здесь тоже пытался сохранять свою рациональность. Но какой смысл в здравом рассудке, если ты можешь видеть истину? *Увидеть — означает поверить...*

Он снова посмотрел на Шэпира. Его тёмные глаза, казалось, заглядывали в душу собеседника.

— Если вы хотите получить настоящее объяснение, спросите у Джо. Он сейчас держится в тени. Но он ждёт подходящего момента. Только Темский может рассказать вам обо всём. И расскажет, когда придёт его время. Джо может *излагать словами то, что слышит*, — а это почти невозможно сделать с визуальным восприятием. Мистикам всегда было трудно передать свои видения словами. Пророками были лишь те, кто слышал Слово, или Голос.

18 В оригинале «не;», т. е. точка с запятой после «не». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

19 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Приняв его, они начинали действовать. И Темский тоже будет нести свет истины через крошечную мглу. А я не буду. Все эти проповеди и учения не по мне. Я не хочу становиться миссионером.

— Миссионером?

— Неужели вы не понимаете? Неужели вы ещё не поняли, чем является эта «комната»? Тренировочным центром — местом, где вам даётся инструктаж...

— Вы хотите сказать, религиозным центром? То есть церковью?

— В некотором смысле, да. Местом, где вас учат видеть, слышать и познавать великого Бога. И любить Его. Это центр истинного обращения — место, где вас обращают в настоящую веру! А потом вам захочется идти и проповедовать это знание другим — язычникам и варварам. И тогда вам будет ясно, насколько они слепы и несчастны без света истины. Нет, это не церковь! Это великая миссия! Постигая её, вы становитесь проводником. Те древние пришельцы не были воинами и исследователями. Они были миссионерами, которые сеяли Слово по всей Вселенной. Они несли его расам будущего — тем бедным и несчастным варварам, которые живут в духовной тьме. Узнав ответ, они захотели передать его нам. А когда вы знаете ответ, всё уже не важно. Какая разница, хороший вы или плохой, мудрец или идиот? Главное то, что вы носитель великой истины, остальное — пустяки. Земля и звёзды — лишь космическая пыль. И смерть, как листопад в круговороте вечности. Ничто не важно! Только Бог!

— Бог пришельцев?

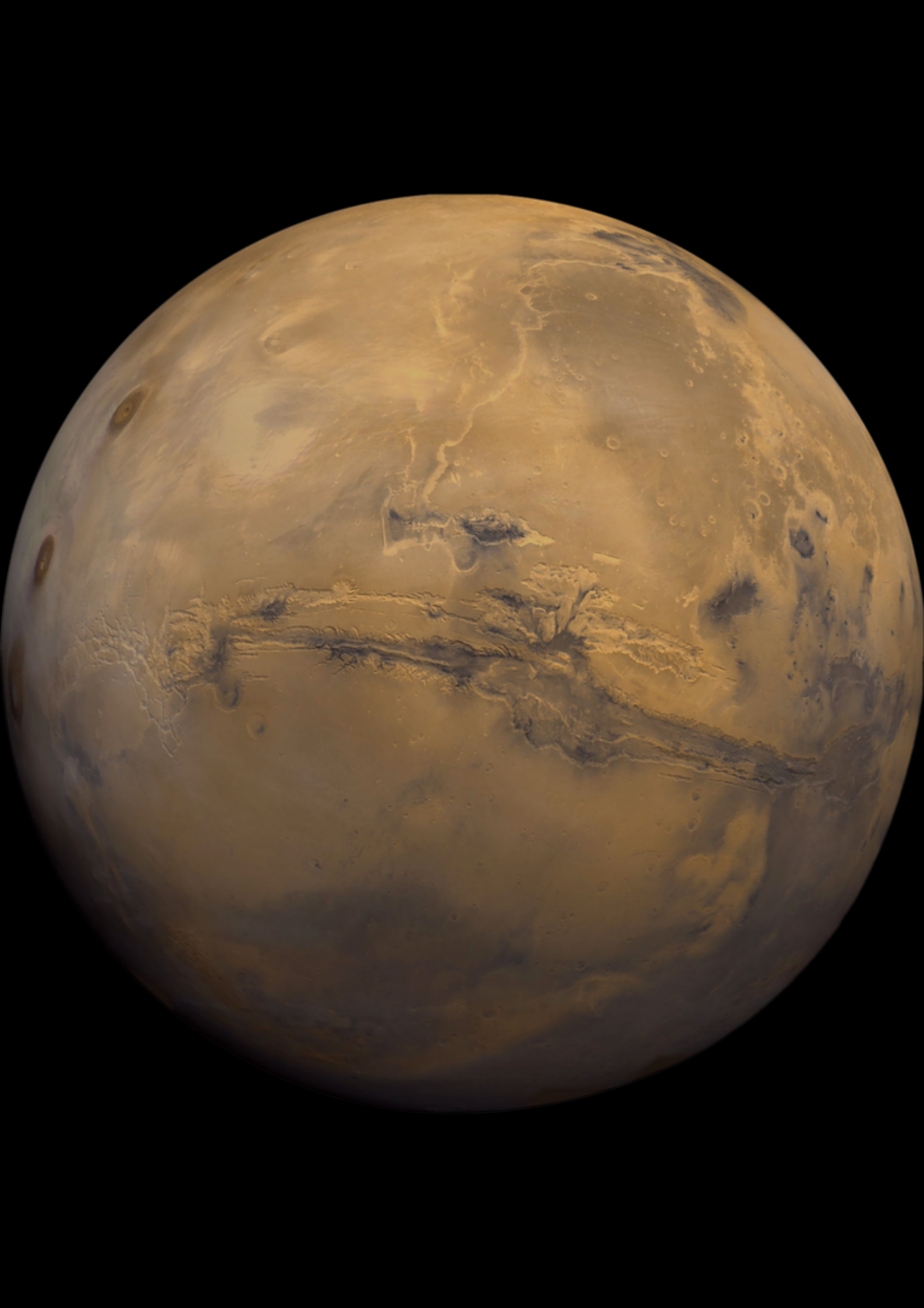
— Нет, просто Бог — единый и истинный, который присутствует во всём. Везде и всегда. Я научился видеть Бога. И всё, что я вижу, когда открываю глаза, — это Его светлый лик. Но почему я готов отдать жизнь, чтобы вновь увидеть человеческие лица и деревья — простые деревья? Или старое скрипучее кресло в моей квартире? Вас будет много! Вы поможете Богу и поддержите Свет! А я хочу вернуться в мир — домой, где много вопросов и мало ответов! Я хочу вернуться туда, где у меня была своя жизнь и могла бы быть собственная смерть!

По рекомендации армейского психиатра, который наблюдал за Хьюзом после отставки Шэпира, больного астронавта перевели в военный госпиталь для умалишённых. Поскольку он был тихим и послушным пациентом, его не держали под строгим наблюдением. Это привело к тому, что через одиннадцать месяцев заточения он покончил жизнь самоубийством, перерезав вены на запястьях отломанной рукояткой ложки, которую выкрал из столовой и заточил о раму кровати. По иронии судьбы он умер в тот день, когда «Психея-XV» стартовала с Марса на Землю, перевоза великие раритеты наших предшественников. Эти документы и записи, переведённые Первым Апостолом, составляют теперь начальные главы

«Откровений Древних» — священных текстов великой и универсальной Церкви Бога, принёсшей свет несчастным варварам. Да славится этот единственный и нетленный сосуд Вечной Истины!

— О, глупцы, (сказал Я им,) избравшие мрак ночной и отвергшие величие истинного света... Но когда Я показал им их безумие, раздаётся шёпот: «*Это Кольцо Жених не отдаст никому, кроме своей невесты*».

1975 © Урсула Кроубер Ле Гуин

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

«Поле зрения» Урсула Кроубер Ле Гуин
«The Field of Vision» Ursula Kroeber Le Guin
1975 © Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин
editor: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

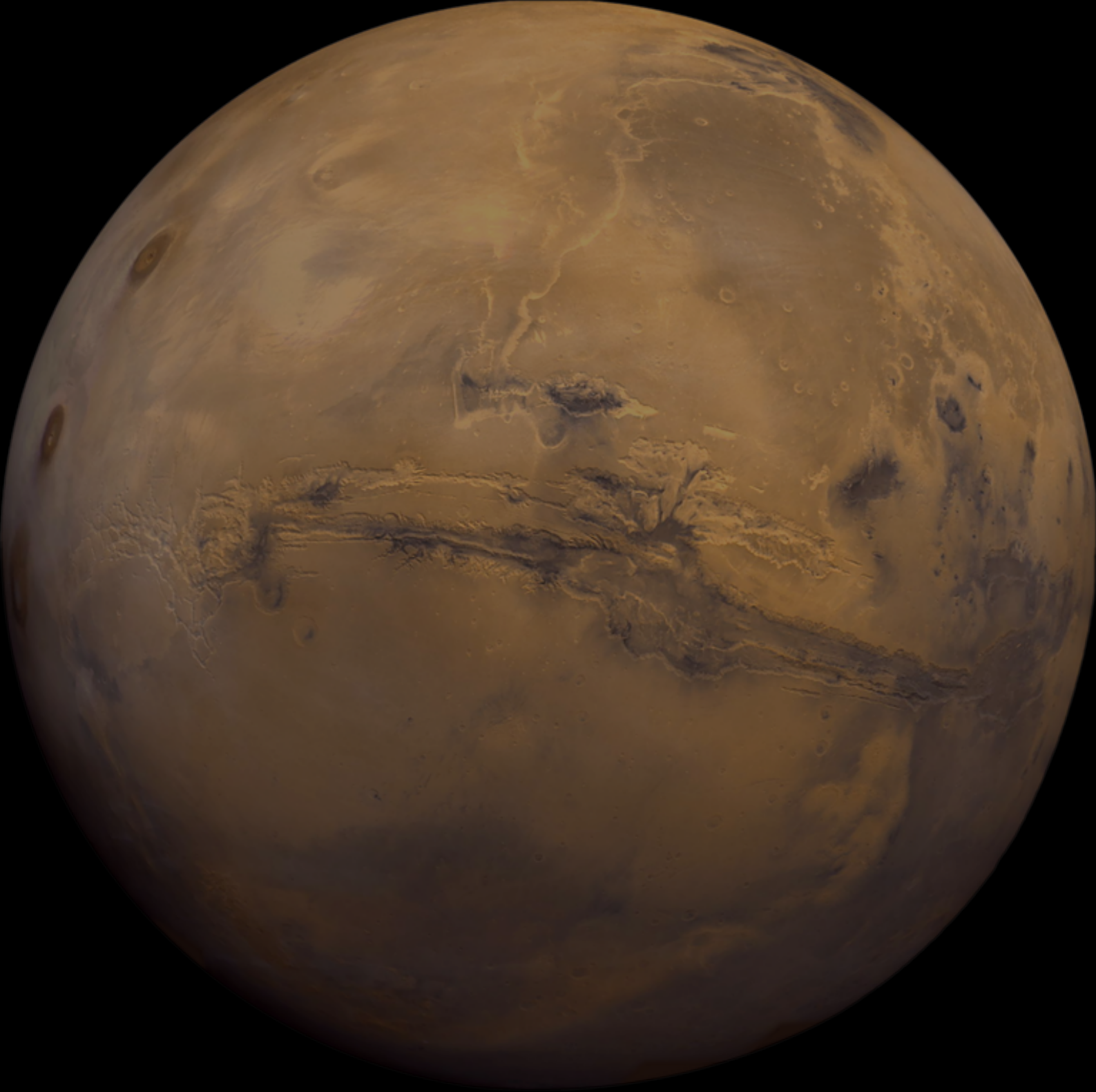
Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	19.09.2017
Время редактирования:	02:00:20
Количество сохранений:	129

Общее количество страниц:	30
Общее количество абзацев:	361
Общее количество слов:	7762
Общее количество символов:	50182

Copyright © 1975 by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 1997 by С. Трофимов (перевод)

*Copyright © 19.09.2017
by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus*

Le Guin